

Коллектив авторов

**Маяк современного просвещения и
образованности**

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К60

К60 **Коллектив авторов**
Маяк современного просвещения и образованности: Часть 2 / Коллектив авторов – М.: Книга по Требованию, 2024. – 185 с.

ISBN 978-5-517-93303-4

Труды ученых и литераторов русских и иностранных (с 1842 г. - «Журнал современного просвещения, искусства и образованности в духе народности русской») - литературно-политический журнал, издавался в Санкт-Петербурге в 1840-1845, ежемесячно. Издатели В.И. Поляков, с середины 1840 - П.А. Корсаков и С.А. Бурачок, затем Ю. А. Юнг-мейстер. Редакторы - П.А. Корсаков и С. А. Бурачек, с 1842 - С.А. Бурачек. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1840 года

ISBN 978-5-517-93303-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Такъ разсказалъ Григорій Нагой происшествіе о смерти Царевича: Мая 15, въ субботу, поѣхалъ онъ съ братомъ своимъ Михайломъ на подворье обѣдать, но едва только пришли, какъ зазвонили въ колоколъ, и они, чаявъ, что загорѣлось, прибѣжали опять на дворъ, а уже Царевичъ Дмитрій лежитъ, накололся самъ въ падучей болѣзни, которая и прежде у него бывала. Царевичъ былъ живъ еще и при нихъ преставился. А приставъ царскій Михайло Битяговскій прискакалъ къ Царицѣ на дворъ, и прибѣжали многіе посадскіе и посомные люди, и начали говорить, невѣдомо кто, будто умертвили Царевича Дмитрія: сынъ Битяговскаго Данила и племянникъ Никита Качаловъ и сынъ мамки, Осипъ Волоховъ. Михайло Битяговскій началъ разговаривать, и посадскіе люди кинулись на него; онъ бѣжалъ въ брусеную избу, люди же, выломавъ двери, извлекли его и тутъ же убили съ Данилою Третьяковымъ, а сына его и племянника въ разрядной избѣ. Сына мамки, Волохова, привели къ Царицѣ вверху къ церкви Спаса и предъ нею убили, и четырехъ человекъ Битяговскаго, двухъ Волохова и трехъ посадскихъ, гдѣ кого поймала, тамъ и убила чернь, самъ онъ не знаетъ за что. Людей посадскихъ собиралъ онъ съ братомъ для Князя Шуйскаго, боясь отъ Государя опалы, чтобы кто не укралъ Царевича тѣла, а въ колоколъ началъ звонить пономарь. Мая же 19, т. е., въ день пріѣзда Шуйскаго, братъ его Михайло велѣлъ городовому прикащику собирать люди и ихъ окровавить куряческою кровью, также и палицу добыть желѣзную и положить на побитыхъ людей: сына мамки, и сына и племянника Битяговскаго и на Третьякова, для того, что, будто, тѣ люди зарѣзали Царевича Дмитрія.»

Къ снѣгъ рѣчамъ приложилъ руку Григорій Нагой, и она была засвидѣ-

тельствована духовникомъ его и еще воскресенскимъ Архимандритомъ Феодоритомъ; руки же Михайла Нагаго у его показанія не было. Здѣсь является признакъ, что изслѣдованіе производимо было не съ безпристрастіемъ, которое старалось бы всемъ частямъ дѣла дать законную точность. Видно, что показаніе о убійствѣ Царевича было не по мысли изслѣдователей, и они оставили оное безъ подписи, чтобы уменьшить его достоинство въ дѣлѣ. Если такъ поступлено съ лицомъ столь виднымъ, то не удивительно, что показанія нѣкоторыхъ другихъ лицъ, о убійствѣ Царевича, совсѣмъ не допущены въ составъ дѣла. А городской прикащикъ продолжалъ утверждать, что Царица и братъ ея Михайлъ Нагой приказали убить Битяговскаго, когда онъ сталъ унимать шумъ народный, также и прочихъ людей, которые къ нему были прихожи.

Тогда Князь Василій съ Дьякомъ Елезаровымъ велѣли поставить предъ себя мамку Царевича, вдову Василису Волохову, и жильцевъ, которые съ нимъ были, и спрашивалъ ихъ, какииъ обычаемъ Царевичу смерть случилась? Мамка его въ распросѣ сказала:

«Разболѣлся Царевичъ Дмитрій въ среду, мая 12 числа, падучею болѣзнію; и въ пятницу ему стало маленько полегче, и Царица Марія взяла его съ собою къ обѣднѣ, и потомъ велѣла на дворъ погулять, а на завтра, пришедши отъ обѣднѣ, также велѣла Царевичу итти на дворъ гулять; съ нимъ была она, кормилица Ирина, постельница Марія Самойлова, да маленькія ребята жильцы. Царевичъ игралъ ножикомъ, и тутъ нашла на него также черная болѣзнь, бросила его о землю и самъ онъ покололъ себя ножомъ въ горло; долго его било, и тутъ же не стало. А и прежде въ томъ же году была мать нямъ та же болѣзнь, падучій недугъ, и онъ покололъ своею матеръ свою Царицу; въ

другой же разъ, передъ Великимъ днемъ, объявъ руку дочери Андрея Нагаго, и едва ее у него отняли. Когда Царевичъ въ черной болѣзни покололся ножомъ, сбѣжала на дворъ Царица Марія и начала сама ее бить полѣномъ, и пробила голову во многихъ мѣстахъ, приговаривая: будто сынъ ея Осипъ съ сыномъ и племянникомъ Битяговскаго зарѣзали Царевича. Она же Василиса била челомъ Царицѣ, чтобы велѣли ей дать праведный сыскъ, ибо сынъ ея и на дворъ не бывалъ; но Царица привадила брату своему Григорью, тѣмъ же полѣномъ бить ее по бокамъ, и едва живую замертво покинули. Волохова рассказывала далѣе, какъ убили Михайлу Битяговскаго, сына ея Осипа, и наконецъ одну юродивую женку; и всѣ сии убійства приписывала волѣ или внушенію Царицы.

Исследователямъ предлежало разсудить, сходно ли съ естественнымъ дѣйствіемъ и ходомъ падучей болѣзни то, что сей болѣзни приписывала Волохова? Между тѣмъ зазвонили у Спаса въ колоколъ и сбѣжались на дворъ многіе посадскіе люди.

Вѣроятно ли, чтобы Царевичу дозволено было на дворъ играть ножомъ въ тычку съ ребятами, и особенно, если бы справедливо было сказанное Волохово, что онъ прежде покололъ свою мать Царицу? Но они какъ бы не заботились о сообразности рассказанныхъ имъ обстоятельствъ, какъ скоро рассказы не угрожали обличеніемъ преступленія противъ Царевича.

Четыре жильца, которые играли съ Царевичемъ: Колобовъ, Тучковъ, Красинскій и Козловскій, сказали: что Царевичъ игралъ съ ними въ тычку ножомъ на заднемъ дворѣ, какъ пришла на него болѣзнь, падучій недугъ и набросился на ножъ: а были въ тѣ поры съ нимъ только кормилица и постельница, сыновней же мамки и Битяговскаго не было.

Матери двухъ изъ этихъ жильцевъ, кормилица Тучкова и постельница Самойлова, подтвердили, что Царевичъ накололся самъ, и кормилица сказывала, что въ субботу ходилъ Царевичъ по двору, игралъ съ жильцами ножикомъ, а она Ирина того не уберегла, какъ пришла на него черная болѣзнь и накололся; она же взяла его къ себѣ на руки, и у нея на рукахъ его не стало.

И третій братъ Нагихъ, Андрей, показалъ почти то же за своею подписью, что Царевичъ на заднемъ дворѣ тѣшился съ ребятами, игралъ черезъ черту ножомъ, и вдругъ закричали на дворъ, что его не стало; сбѣжала сверху Царица, а онъ въ тѣ поры сидѣлъ у яствы и прибѣжалъ къ ней; Царевичъ лежалъ у кормилицы на рукахъ мертвъ, и сказываютъ, что зарѣзали; онъ же того не видалъ, кто его зарѣзалъ; а на Царевичѣ бывала болѣзнь падучая; въ великое говѣніе у дочери его руку перерѣзъ, да и у него руки ѣдалъ, у жильцевъ и постельницъ; когда придетъ болѣзнь и станутъ его держать, то въ забвеніи грызетъ онъ, что попадется. А какъ побили Битяговскаго и другихъ—не вѣдаетъ; побила ихъ чернь, самъ же онъ былъ неотступно при тѣлѣ Царевича и внесъ его въ церковь.

Послѣ сихъ ближайшихъ свидѣтелей смерти Дмитріевой, распрашиваемы были другіе духовные и мірскіе свидѣтели, знавшіе о ней болѣе по слуху, и прежде всѣхъ тотъ, кто произвелъ смятеніе набатомъ, вдовый священникъ, служившій пономаремъ при цареконстантиновской церкви. Оправдывая себя, онъ сказалъ, что сторожъ ударилъ первый въ колоколъ у Спаса, а самъ онъ бѣжалъ на звонъ и встрѣтилъ кормоваго стряпчаго Субботу, который велѣлъ ему именемъ Царицы, при братѣ ея Григорѣ Нагомъ бить въ набатъ, но Григорій отъ того отсекся, и показалъ даже на пономаря, что когда бѣжалъ къ нему съ колокольню Михайла Битя-

говскій, онъ заперся и его не пустилъ къ себѣ. А стряпчій Суббота, не отпираясь отъ словъ своихъ, ссылался на приказаніе Михайла Нагаго, и говорилъ, что онъ велѣлъ убить Битяговскаго, поелику у нихъ и прежде была межъ собою брань, за то что Нагой прашивалъ денегъ изъ казны сверхъ Государева указа и тотъ ему въ нихъ отказалъ; прочіе же убиты чернію невѣдомо за что; о смерти Царевичевой пономарь отозвался, что самъ накололся въ падучей; хотя пономарю, не бывшему очевидцемъ происшествія, свойственнѣе было отозваться незнаемъ, если бы словами его не управляла догадка; какого свидѣтельства отъ него могли желать?

Въ свою очередь представили Князю Шуйскому почетнѣйшіе изъ духовенства углицкаго, Архимандритъ воскресенскій Феодоритъ, Игуменъ алексѣевскій Савватій, Игуменъ покровскій Давидъ, духовникъ Григорія Нагаго царекопстантиновскій священникъ, и сказали, Архимандритъ: что 15 Мая служилъ онъ обядню съ алексѣевскимъ Игуменомъ, у него въ монастырѣ, какъ вдругъ зазвонили въ шестомъ часу дня, и они послали провѣдать, не горитъ ли гдѣ? Но слуги, возвратясь, имъ повѣстали слышанное отъ посадскихъ людей, будто Царевича Дмитрія убили невѣдомо кто: оба они повхали въ городъ и нашли уже Царевичево тѣло въ соборѣ, а Битяговскаго и прочихъ побитыми. При нихъ еще привели къ церкви, предъ Царицу, сына мамки Волохова, чуть живаго, и тутъ же убили; привели и жену Битяговскаго съ двумя дочерьми и хотѣли также убить, но онъ Архимандритъ съ Игуменомъ ухвативъ ихъ, отняли у народа; а мамку Волохову взяли тогда посадскіе люди подъ стражу въ палаты.

Игуменъ алексѣевскій подтверждая слова Архимандрита, съ своей стороны дополнялъ, что отъ имени Царицы прибѣжалъ къ нимъ спасскій причетникъ

съ вѣстію, что Царевича не стало, и велѣлъ ѣхать въ городъ, и они, прѣхавъ, нашли его зарѣзаннаго въ соборѣ; Царица же имъ сказывала, что зарѣзали его сынъ и племянникъ Битяговскаго и сынъ мамки; убійцы уже были побиты, кромѣ Волохова, который стоялъ въ соборѣ за столбомъ, и послѣ нихъ выхода, невѣдомо кѣмъ убитъ.

Игуменъ покровскій повторилъ слышанное имъ о смерти Дмитріевой отъ дворовыхъ людей; когда самъ прѣхалъ изъ загороднаго монастыря своего, что Царевичъ накололся на ножъ въ падучей болѣзни; а духовникъ Нагаго, объявшій въ тотъ день у Битяговскаго, разсказалъ подробности о убійствѣ сего послѣдняго, какъ началъ онъ угрожать людей посадскихъ, сбѣжавшихся на звонъ съ рогатинами, ножами и саблями, и какъ погнался народъ за нимъ въ избу, и измелевши, умертвилъ съ Третьяковымъ. — О сыпѣ же Битяговскаго, Данилъ, обвиняемый въ смерти Царевича, объявилъ, что въ тѣ поры съ нимъ обѣдалъ у отца на подворьѣ.

Наконецъ спросили и всѣхъ дворовыхъ людей Царицы и посадскихъ; всѣ они, числомъ до 75 человекъ, между ними губной староста города Углича, сытники кормоваго и хлѣбннаго дворца, стряпчіе, подъячіе, ключники, истопники, дѣти боярскіе, хлѣбники, повара, конюхи, сторожа и еще 40 человекъ посадскихъ и посошныхъ людей отозвались или невѣдѣніемъ или показали почти въ однихъ и тѣхъ же словахъ то, что слышали отъ жильцевъ о смерти Царевича: будто въ падучей болѣзни самъ накололся на ножъ; такъ же и о убійствѣ Битяговскаго и другихъ по волѣ Михайла Нагаго. Не отрекались отъ сего даже и нѣкоторые изъ убійцъ, а одинъ изъ нихъ конюхъ дворцовый показалъ, что прибѣжавши съ отцомъ своимъ на звонъ набата, увидѣлъ много людей посадскихъ и казаковъ судныхъ, которые ложились въ

разрядную избу; тамъ, сказали имъ, сидятъ душегубцы Царевича, сынъ и племянникъ Битяговскаго, и они, извлеки ихъ, убили, а потомъ уже самага дьяка въ брусной избѣ и разграбили дворъ его, лошадей отвели на конюшню Царицы; самъ же онъ взялъ себѣ колю и сайдакъ. Отецъ его, конюшенный прикащикъ, подтвердивъ слова сына, объяснилъ, что на этихъ лошадяхъ посылалъ Михайлъ Нагой проведывать, не идетъ ли кто по московской дорожѣ, чтобы тотчасъ дать знать въ городъ, но потомъ опять лошадей отвели на дворъ Битяговскаго.

Въ то же время сторожъ дьячей избы съ однимъ посадскимъ показали, что въ день пріѣзда Князя Шуйскаго, самъ городской прикащикъ Русинъ вивствъ съ человекомъ Нагаго приказывалъ имъ мазать кровью палицу, два самопала и пять ножей, и класть ихъ на убитыхъ. — А семь человекъ разсыльщиковъ углицкихъ подали на другой день пріѣзда челобитную Князю Шуйскому, въ которой прося, чтобы ихъ не смѣшивали съ виновными, описывали всѣ событія сходно съ прежними показаніями и даже утверждали, что Михайло Нагой, братъ Царицы, прискакалъ на конѣ пьяный на дворъ по звону набата, и что Битяговскій кричалъ народу: Нагой велитъ меня убить за то, что самъ добываетъ вѣдуновъ на Государя и Государыню и хочетъ ихъ портить; убили же его въ дьячей избѣ (а не брусной).

Вдова Битяговскаго съ дочерью также прислала челобитную на имя Государя, жаловалась, что Нагой велѣли убить ея мужа и сына, ибо часто ссорилась съ Михайломъ Нагимъ, который добывалъ вѣдуновъ и вѣдуньей къ Царевичу, и одинъ вѣдунъ, Андрей Мочаловъ, непрестанно жилъ у Нагихъ; они заставляли ворожить его, долговѣченъ ли Государь и Царица; и въ самый день смерти еще бранился мужъ ея за то, что Нагой не отпустилъ носовъ на

нарядъ Государевъ. Потомъ рассказывала въ своей жалобѣ смерть Царевича и мятежъ, и просила удовлетворенія.

Такъ окончился розыскъ о смерти Царевича Дмитрія. Митрополитъ Геласій сарскій и подоискій, съ великою честію предалъ земли его непорочное тѣло, внутри углицкаго собора Св. Преображенія Господня, и возвратился съ Княземъ Василиемъ Іоанновичемъ въ Москву; а 2-го іюня благовѣрный Государь уже слушалъ самъ въ своихъ кремлевскихъ палатахъ обыскъ углицкій, утвержденный рукоприкладствомъ почти всѣхъ допрашиваемыхъ, кромѣ одного Михайла Нагаго и Царицы матери Дмитрія, которую не спрашивали, вѣроятно, изъ уваженія къ ея сану, или подъ предлогомъ сего уваженія.

Выслушавъ дѣло, Царь Θεодоръ Іоанновичъ приказалъ своимъ боярамъ итти на соборъ къ Іову Патріарху всея Руси, Митрополитамъ, Архіепископамъ и Епископамъ, и велѣлъ прочесть предъ ними весь обыскъ Дьяку Василью Щелкалову. Когда же прочли его на соборѣ, возсталъ Митрополитъ сарскій Геласій и сказалъ:

«Извѣщаю тебѣ святѣйшему Патріарху и всему освященному собору, что въ день моего отъѣзда изъ Углича, Царица Марія, призвавъ меня съ собою, говорила: то дѣло учинилось грѣшное виноватое, что убили Михайла Битяговскаго, и сына его и жильцевъ; и много молила меня донести ея челобитіе Государю Царю, дабы показалъ милость въ ихъ винѣ бѣднымъ червямъ Михайлу Нагому съ братьями.»

Не извѣстно, какъ поняты были слова Царицы; но они могли имѣть то простое значеніе, что она признавала грѣховность самоуправнаго убіенія Битяговскаго и Волохова, а съ ними нѣкоторыхъ, вѣроятно, и невинныхъ. Митрополитъ подалъ также на соборъ челобитную городского прикащика Русина, въ коей, описывая происшествіе,

обвинялъ во всемъ Михайла Нагаго, будто бы мертво-пьянаго въ часъ набата, который враждовалъ съ Битяговскимъ за Государево дѣло, и его Руси-на принуждалъ къ крестному цѣлованію, чтобы за одно съ нимъ стоять; самъ же признавался, что по волю Нагаго мазалъ кровью палицы и ножи, и клалъ на убитыхъ.

Патріархъ, выслушавъ со всемъ соборомъ угличское дѣло и рѣчи Митрополита, говорилъ: «Въ томъ во всемъ воля Государя, Царя и Великаго Князя Феодора Ивановича всея Руси, а прежде сего такого лихаго дѣла и такихъ убійствъ и кровопролитія отъ Михайла Нагаго и отъ мужиковъ нѣкогда не бывало. Измѣна Нагихъ и посадскихъ людей предъ Государемъ явная, потому что смерть Царевичу Дмитрію учинилась Божиимъ судомъ; а Михайла Нагой Государевыхъ приказныхъ людей Дѣла Битяговскаго и Никиту Качалова, и другихъ дворянъ и жильцевъ и посадскихъ людей, которые стояли за правду и разговаривали съ народомъ, для чего творить измѣпу, велѣлъ убить напрасно и съ умысломъ, за то, что съ нимъ часто бранился Битяговскій ради Государя, ибо Михайла Нагой держалъ у себя вѣдуна Мочалова и другихъ многихъ вѣдуновъ. И за то великое измѣнническое дѣло Михайло Нагой съ братією и мужики угличане по своимъ винамъ дошли до всякаго наказанія. Но дѣло земское и градское, въ томъ вѣдаетъ Богъ да Государь; все въ его Царской рукѣ, и казнь, и опала, и милость, о томъ Государю какъ Богъ извѣститъ, а намъ лишь молить Господа Бога и его Пречистую Матерь и великихъ россійскихъ чудотворцевъ Петра, Алексія и Іоану и всехъ святыхъ о Государѣ, Царѣ и Великомъ Князѣ, и его благовѣрной супругѣ Иринѣ, о ихъ многолѣтнемъ здравіи и тишинѣ отъ междоусобной брани.»

Въ тотъ же день Бояре сказывали Па-

тріаршія рѣчи и Митрополитовы Государю, и онъ имъ велѣлъ угличское дѣло вершить по договору и послать по тѣхъ людей, которые въ дѣлѣ объявились. По Государеву указу и боярскому приговору посланы приказные люди въ Угличъ за кормилицею Царевича Ириною и за ея мужемъ и за вѣдуномъ Мочаловымъ. Первыхъ двухъ велѣно привести въ Москву къ Государю безъ всякаго насилія, однако же бережно, чтобы дорогою не утекли или чего надъ собою не учинили, втораго же въ оковахъ, и объ угличскихъ дѣлахъ извѣстить немедленно, если что новое случится. Вследъ за тѣмъ привезли въ Москву Нагихъ, и Царь положилъ на нихъ свою опалу. Самъ Годуновъ съ боярами ходилъ на нихъ пытку еще допрашивать о смерти Дмитрія, но Михайла Нагой и на пытку не вымолвилъ, чтобы Царевичъ самъ закололся, а только повторялъ, что убіенъ отъ рабовъ своихъ. Тогда разослали всехъ братьевъ Нагихъ по разнымъ городамъ въ темницы, Царицу же Марію постригли неволею въ иноческій образъ, нарекли ей имя Марѳа и заточили въ мѣсто бѣдное и пустое, въ предѣлахъ былозерскихъ, въ Чудинъ монастырь Св. Николая, что на озерѣ Пустоозерскѣ близъ Чусновца; тамъ къ ней приставлена стража и дали только двухъ служителей.

Пострадалъ и великій градъ Угличъ за незаконное дѣло, которое въ немъ совершилось, и на него простерлась опала царская и боярская. Тѣла двѣнадцати убитыхъ ради Царевича вынуты изъ позорной ямы и преданы земле съ честію; около двухсотъ людей посадскихъ отвѣтили головою за ихъ буйную ревность къ закланному Царевичу. Многихъ заточили въ темницы, многихъ отвезли въ Сибирь; тамъ поставили въ ледовитой пустынь и населили ими новый городъ Пелымъ, а именитый Угличъ, славившійся своими двѣ-

надпятью обителями, тремя соборами, полутора ста церквами и тридцатью тысячами жителей, съѣхъ порѣ опустѣлъ. Даже набатный колоколъ спасскаго собора, бывшій виною матежа, сосланъ вмѣстѣ съ подвижниками на звонъ его и виситъ въ Тобольскѣ у Всемилощивѣйшаго Спаса.

Казалось все заглушено, или все замерло; но гласъ Божій гласъ народа, — возникла молва народная о усопшемъ Царевичѣ, и глухой ропотъ, тщетно подавляемый, все возрасталъ, доколе судомъ Божиимъ не выростъ въ ропотъ одного страшнаго челоука. Не смотря на приговоръ боярскій и указъ Царевъ, никто не вѣрилъ розыску углицкому Князя Шуйскаго, хотя и укрѣпленному рукоприкладствомъ столькихъ свидѣтелей мірскихъ и духовныхъ. Вѣрилъ ли ему и самъ Князь Шуйскій, когда при другихъ обстоятельствахъ уже пятнадцать лѣтъ спустя, увѣчанный самъ наслѣдственнымъ вѣнцемъ Дмитрія, писалъ въ окружныхъ своихъ грамотахъ народу «что за грѣхъ всего христіанства православнаго, Великаго Государя Царевича Дмитрія Іоанновича не стало послѣ убійства Бориса Годунова, убить же онъ какъ испорченный агнецъ въ Угличѣ.» Многие скорбѣли о неповинной крови и безъ страха говорили между собою, что розыскъ о смерти блаженнаго отрока произведенъ неправо, и что мимо единогодушнаго воля народа углицкаго, распрашивали свидѣтелей втайнѣ и съ угрозой. А безыменные лѣтописцы въ тишинѣ келейной записывали сказанія народныя въ свои хартии и сохранили — обличеніе сему тайному дѣлу.

Искони ненавидящій добра въ родѣ челоуцескомъ діаволъ, видя сырыхъ братьевъ Царя Θεодора и Царевича Дмитрія, ни о чемъ земномъ не радующихъ, ибо ни славы міра сего, ни богатства не желали, и не въ силахъ будучи ни въ чемъ ихъ искутить, вло-

жилъ въ сердца обладающихъ вельможъ не токмо другъ надъ другомъ чести желать для похищенія отеческаго достояніа; но единому изъ нихъ внушилъ помыслъ восхитить самодержавство и быть старѣйшимъ въ російскомъ государствѣ. Былъ между обладающими Бояринъ Борисъ Годуновъ, несправедливый братію свою бояръ, и бояре его не любили, ибо многихъ людей погубилъ напрасно. Сему вложилъ въ мыслъ діаволъ извести праведнаго своего Государя Царевича Дмитрія, да будетъ властелиномъ на Руси, когда истребится корень Царскій. Такъ и окаянный Святосполкъ умышлялъ на братьевъ своихъ Бориса и Гдѣба; «если побью братію свою, единъ буду владыка на Руси» — не вѣдая того, что Богъ власть кому хочетъ, тому дастъ. Сперва послалъ Борисъ на Угличъ окорять праведнаго вѣлемъ, и ему давали злыіе иногда въ пищу, иногда въ питіи; Богъ же, хранящій праведника, не хотѣлъ его чистую душу принять втайнѣ, но объявить всему міру кровь неповинную. Борисъ же услышавъ, что ничто ему не вредитъ, оскорбился и призвавъ братію свою Годуновыхъ и совѣтниковъ Андрея Клещнина съ товарищами, повѣдалъ, что ничто не вредитъ Дмитрію. Одинъ изъ нихъ, Григорій Васильевичъ Годуновъ, не присталъ къ ихъ совѣту и плакался о томъ горько и они его чуждались. А совѣтники Борисовы умыслили послать кого либо убить праведнаго, и избрали Владимира Загряжскаго и Никитку Гепчугова; они же люди богобоязливые не только что учинить надъ своимъ Государемъ, но и помыслить того не хотѣли.

Опять прискорбенъ былъ Борисъ, что ни какъ хотѣніе его не совершается, но злой совѣтникъ Андрей Клещнинъ говорилъ: не скорби; сестъ умелъ братія и другъ, исполнится твоѣ желаніе; а Загряжскому и Чепчугову

учинили многія бѣды и злыя напасти. Но и братія съ други Клешинина отъ такого окаинства уклонились; тогда возшелъ діаволъ въ одного изъ нихъ, Михайла Битяговскаго именемъ, какъ сатана въ Іуду искаріотскаго, и подобно ему пришелъ онъ возвѣстити, что готовъ исполнить беззаконіе. Обрадовался Борисъ и обѣщавъ ему великую честь, отпустилъ въ Угличъ, съ сыномъ его Данилою и племянникомъ Никитой Качаловымъ, и велѣлъ имъ вѣдать все на Угличъ. Они же пришли какъ волки, алчущіе праведнаго агнца, и стали всѣмъ владѣть.

Царица Марія Федоровна, видя ихъ злобный умыселъ, начала беречь отрока, никуда его отъ себя не пускала; но они совѣтовались съ мамкою его Марією Волоховою и сыномъ ея Осипомъ, какъ бы имъ убить праведнаго. Мая въ 15 день, мать Царевичева была въ своихъ хоромахъ; окаинная же мамка уговорила его съ лестію, идти гулять съ нею на дворъ и едва не сама повлекла его на заколеніе, ибо воздвигшая его кормилица не хотѣла пускать его и вслѣдъ за нимъ шла на нижнее крыльцо, а убійцы какъ звѣри, исполненные ярости, устремились на крыльцо. Окаинный сынъ мамки, Волоховъ, взявъ за руку праведнаго, сказалъ ему: «сіе у тебя новое ожерелье, Государь!» онъ же кроткій агнецъ, протянувъ къ нему выю, тихимъ голосомъ отвѣчалъ: «сіе есть старое ожерелье,» и Волоховъ кольнулъ его ножомъ по шеѣ, какъ змѣя жаломъ, но не захватилъ гортани. Кормилица, видя пагубу своего Государя, пала на него и начала кричать; и бросивъ ножъ побѣждалъ убійца, но союзники его Данила Битяговскій и Никита Качаловъ били кормилицу, едва не до смерти, и отнявъ изъ рукъ ея праведнаго отрока, доръзали и утѣкли: чудно и ужасно было видѣть, какъ долго трепеталось мертвенное тѣло, подобно закланному голу-

бю: и мать его видя гибель сына, громко надъ нимъ вопіяла. Люди же слыпавъ о томъ въ градъ и въ посади, скакали всюду и ударяя во врата зывали: что сидите?—Царя у васъ нѣтъ! и каждый выбѣгая за врата дома своего ничего не видѣлъ, ибо то время было полуденное и никого на дворъ Государевомъ не было; братья Царицы сидѣли посвоимъ подворьямъ. Но одинъ пономарь видя такую пагубу, заперся на колокольнѣ, началъ бить въ колоколъ, и никто не могъ приступить къ нему, хотя сильно ломились въ двери. Люди же Царевича и дядья его и люди города Углича сбѣжались всѣ на дворъ Царскій и видя Государя своего лежащаго мертвымъ, при тѣлѣ же праведномъ мать и кормилицу замертво лежащихъ, —возопили гласомъ великимъ и тутъ же умертвили Михайлу Битяговскаго съ его единомышленниками. А сынъ его и племянникъ бѣжали изъ города, и отбѣжавъ двѣнадцать верстъ, возвратились, ибо кровь праведная вопіяла на нихъ къ Богу;—граждане и ихъ побили, всего же 12 человекъ, и повергли въ яму па сѣдненіе псамъ; тѣло праведное положивъ во гробъ снесли въ соборную церковь; къ Царю же Федору послали гонца, что убіенъ братъ его отъ рабовъ, но гонца привели въ Москвѣ къ Борису, и онъ повелѣлъ переписать грамоты, что Царевичъ, одержимъ недугомъ, зарѣзалъ себя отъ небреженія Нагихъ,—и такія грамоты донесъ Царю.»

Такъ думали и писали одни, другіе же распространяясь еще болѣе о совѣтѣ Бориса для убіенія Царевича, и какъ бы желая проникнуть въ самую тайну его внутреннихъ помышлений, — изложили въ хартіяхъ: «будто Бояринъ призвавъ къ себѣ волхвовъ, вопрошалъ ихъ: возможно ли вамъ сіе дѣло усмотрѣть, могутъ ли свое желаніе получить, будутъ ли Царемъ?» Врагоугодыки же ему сказали: «вистинно тебѣ возвѣщаю, что

(*) Морозъ. лѣт. 75. Кар (221 пр.) стр. 74. Т. X.

получишь желаніе свое, будешь на Царствѣ московскомъ, только на насъ не прогнѣвайся.» Онъ же имъ говорилъ: о, любящие мои гадатели, отнюдь меня не убойтесь, ничего отъ меня не получите, кромѣ чести и даровъ, только скажите правду, и они отвѣтствовали: «не долго твоего царствія будетъ: только семь лѣтъ.» И Борисъ съ радостію великою лобызавъ ихъ, воскликнулъ: хотя бы семь дней, только бы мнѣ царское получить и желаніе свое совершить.»

И многія нныя безыменныя лѣтописи тѣхъ временъ, писанныя по смерти Бориса, сохраняли то же страшное на него обличеніе; нѣтъ ни единого сказанія русскаго его оправдывающаго, хотя есть разность въ показаніяхъ, ибо въ нныхъ менѣе противъ него ожесточенія, судя потому, какъ достигала до каждаго молва народная, не утихавшая въ теченіе долгихъ лѣтъ; даже самые иноземцы, жившіе въ то время на Руси, въ писаніяхъ своихъ оставили то же пятно на памяти Бориса, хотя и они разноречатъ между собою: одинъ, бывшій долго на Москвѣ пасторомъ, *Беръ*, говоритъ, что Царевичъ зарѣзанъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ обычно игралъ. Петрей, уроженецъ шведскій, что его убили ночью, когда сошелъ съ крыльца смотрѣть пожаръ, а купецъ Пафла и воинъ дружины *Ажедимитріевой*, *Маржереть*, — что истинный Царевичъ спасся и умерщвленъ подложный, котораго зарѣзали въ постелѣ.

И посреди сихъ темныхъ преданій, не укрѣпленныхъ ни однимъ именемъ русскимъ, кромѣ иноземныхъ, являются два великіе свидѣтеля, величайшіе дѣльцы тѣхъ временъ и событій, конхъ они сдѣлались лѣтописцами; самъ Патріархъ Іовъ и знаменитый Келарь Троицкой Лавры Авраамій Палицынъ; оба, равно обличающіе Бориса; но одинъ своимъ безмолвіемъ, другой же горькою рѣчью; ибо Патріархъ Іовъ, писавшій житіе благовернаго Царя *Теодора*, уже

въ царствованіе Годунова, боялся даже упомянуть о имени *Димитрія*, и бѣдственная смерть сего Царевича не помѣщена въ числѣ замѣчательныхъ событій державы братней. Какой безмолвный упрекъ! А Авраамій явно говоритъ, «что навѣты ласкателей на *Димитрія* отъ многія смуты низвели ко грѣху Бориса, и что сего краснѣйшаго юношу отослали и нехотѣющаго въ вѣчный покой.»

Сіе же все отъ челоуковъ, иногда увлекаемыхъ молвою житейскою, преданія конхъ, какъ облака, носимыя вѣтрами. Но Господь, зращій не на лица, а на помыслы, прежде даже, нежели созируютъ они въ дѣянія, произнесъ устами Пророка *Исаи*: «мнѣ отищеніе, азъ Господь!» и устами иного Пророка, «что грѣхъ отцевъ взыщеть на сыновъ до третьяго и четвертаго рода; милость же его на тысяща родовъ.» — Онъ поставилъ дивными судьбами своими всѣхъ прикосновенныхъ къ смерти *Димитріевой*. — Однимъ именемъ должно воскресшаго отрока, какъ бы духомъ устъ его пораженъ самъ Борисъ на престолѣ, и все его семейство: сынъ его, для коего жаждалъ вѣнца, краснѣйшій юноша, подобно *Димитрію*, и не хотѣщій, отсылается въ вѣчный покой; удушена супруга благочестивая, дочь того нечестиваго опричника *Малюты Скуратова*, который дерзнулъ при *Іоаннѣ Грозномъ* поднять руку на святѣйшаго *Филиппа* и удушить въ кельи священномученика. Какая кровь взыскана на родѣ *Борисовомъ*? — кровь ли *Св. Филиппа* въ третьемъ родѣ по женскому колену, или кровь *Димитріева* по мужскому во второмъ? — Господь вѣсть!

И Князь *Василій Шуйскій*, ближайшій судья о смерти Царевича, низложенъ съ престола во время смуты втораго, и опять тѣнь Царевича оказывается сльнѣе обладающаго Царя: самъ онъ постриженъ неволею, и супруга его, подобно невольному постриженію мате-

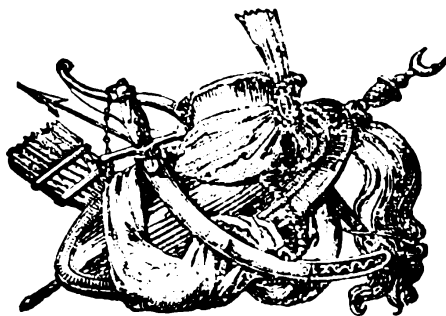
ри блаженнаго отрока; и какъ братья ея Нагіе, терпѣть онъ съ братьями своими долгіе узы и кончается въ плѣну со всѣмъ своимъ родомъ, нѣкогда столь могущимъ. Въ боровской обители Св. Пафутія, въ стѣнѣ церкви, созданной, какъ сказываютъ, Царицею Ириною, сестрою Бориса, есть камень съ надписью: Лѣта 7107 (1599) апрѣля въ 6 день, преставися рабъ Божій В. Государя, Царя и В. Князя Феодора Ивановича всея Руссіи, дядька, Околыничъ, Лупъ зовомый, Андрей Петровичъ Клешнинъ, — въ иноцѣхъ Левкій схимникъ!» То другой судія о смерти Димитрія. Былъ еще одинъ безмолвный свидѣтель дѣяній своего времени, стоявшій во дни сіи на стражѣ Израиля, но не возгласившій трубою, какъ повелѣлъ Господь, стоящимъ на стражѣ, — Патріархъ Іовъ, и онъ нивагается Лжедимитріемъ и кончаетъ дни свои въ той обители, отколѣ нѣкогда былъ вызванъ на стражу.

Таковы были дѣла Божіи въ людяхъ своихъ; обратимся опять къ человѣческому.

Во всю землю русекую прошелъ злой слухъ о смерти Царевича и достигъ до ушей Бориса; онъ опечалился. Скоро по кончинѣ брата, благочестивый Государь пошелъ на самый праздникъ Пятидесятницы въ домъ Живоначалъ въ Троицы, и во время его отсутствія въ царствующемъ градѣ, когда всѣ православные христіане совершали память отъ вѣка усопшимъ, въ субботу, наканунѣ праздника, внезапно въ полдень напрасно загорѣлся Колымажный дворъ на чертольской улицѣ, а потомъ арбатская, никитская, тверская, петровская до Трубы и вся кровля Благаго Города, а за городомъ Посольской Дворъ и стрѣлецкія слободы, и за Неглинной; все векоръ погорѣло и множество святыхъ церквей со всякою святынею

и православныхъ христіанъ всякаго возраста. А изъ никитскаго монастыря инокини, числомъ сорокъ, бежали спасаться отъ огня подъ храмъ великаго чудотворца Николая на Хлыновѣ, надеясь на великое пространство храма и на врата желѣзные, и тамъ скончались вмѣстѣ съ другими православными. Бояре же всѣ были тогда съ Царемъ, и народъ самъ не могъ избавиться отъ огня.

Когда Царь возвращался изъ обители сергіевской въ Москву, ласкатели и сотрапезники Борисовы вельми на пути всѣмъ челобитчикамъ просить милости въ бѣдахъ своихъ у Боярина, чтобы онъ донесъ молебны ихъ до слуха Царскаго, и многіе припадали къ ногамъ его. Онъ же велѣлъ всѣмъ подписывать имена свои на прошеніяхъ, и не только по достоинству, но вдвое и втрое противъ утраченнаго выдавалъ изъ казны Царской на домовое строеніе погорѣвшимъ; боярамъ и инымъ сущимъ отъ Царской палаты, по ихъ желанію роздано безчисленно денегъ, а купечеству и черни грамоты льготныя и бывшія. Такимъ образомъ всенародное множество въ Москвѣ и другихъ градахъ приведено въ кротость, и вмѣсто ситованій на Боярина, великія хвалы ему возсылались, ибо такіе пожары были не въ одной Москвѣ, но и въ многихъ городахъ и посадахъ. Бояре и весь чинъ воеводствующихъ не брегли о томъ, что будетъ воздаяніе столь великому грѣху, и не могли дѣйствовать; у всѣхъ отнявъ власть Борисъ, и никто не только говорить, но и помыслить противъ него не смѣлъ; наипаче ослѣпилъ онъ очертаніемъ своимъ многіхъ и трапежами сладкопитательными; поборающихъ по правдѣ отсылалъ въ предѣлы дальнія; такъ престоалъ всякій помыслъ о мщеніи Борису.

КЕРЪ-ОГЛУ.

Татарская легенда.

I.

Мрачная, угрюмая долина! Круто съезжая скалы эти возносятся до облачного неба! На волнистых ребрах их, ни одна травка не радуется изумрудною зеленью; кто кроме птицы быстрокрылой достигал вершины этих утесовъ, такъ страшно повисшихъ надъ бездною? Какъ рѣзвалъ серна, безпечно подошедшая къ пещерѣ царя звѣрей, робко озирается, не зная куда направить быстрый бѣгъ, такъ и я, странникъ, блуждающій въ этихъ ущельяхъ, тщетно ишу гостепріимнаго пріюта.

II.

Чья рука, кроме твоей, о могущественный Аллахъ! могла исторгнуть изъ чрева земнаго неизмѣримую эту громаду, вершину которой зрѣніе мое преслѣдуетъ съ трудомъ, въ самыя недра небосклона. Узкая, извилистая тропинка ведетъ по ней къ удивительной гранитной скалѣ; два дрожащихъ бревна служатъ мостомъ надъ бездною — еще шагъ, и дерзновенный путникъ понесется въ плещущую волну мутнаго водопада.

III.

Резъ каскада заглушаетъ вопли мои! Яростная струя стремится, грохочетъ и роетъ крутизну тѣсной ложины; она кипитъ, стремится и алмазными брызгами осыпаетъ паденіе свое — источникъ ея тамъ, въ гранитной скалѣ, надъ темными облаками.

IV.

Но что быльется на едва зримой вершинѣ этой дивной скалы? Гнѣздо орла, владыки полей воздушныхъ? Нѣтъ — тутъ слѣды рукъ человѣческихъ — вотъ полуразрушенный замокъ, развалины древнихъ элапій (1). Аллахъ *всепревозмогающій*! Какой изгнанникъ основалъ тутъ свое жилище, или кто изъ угодиновъ твоихъ удалился сюда, и творить святыя намазы (2) ближе къ лучезарному твоему лицу (3)?

V.

О старецъ! покинь на время стадо твоё; рѣвныхъ козъ поручи вѣрнымъ псамъ твоимъ.